

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ КИТАЮ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Андрей Владимирович Виноградов

*Российский университет дружбы народов,
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 2 июня 2017</p>	<p>Аннотация: Китайская экономическая модель, проложившая путь «китайскому экономическому чуду», приближается к исчерпанию своих возможностей. Перед новым поколением руководства во главе с Си Цзиньпином стоит задача поиска новой модели развития, сравнимая по сложности с задачей, которую на рубеже 1980-х годов решил Дэн Сяопин. Принимаемые новым генеральным секретарем ЦК КПК меры по концентрации полномочий и укреплению личной власти обоснованы необходимостью смены курса. Однако в результате этих шагов в значительной степени оказалась разрушена система институционального авторитаризма, создававшаяся на протяжении последних 40 лет и обеспечившая экономические успехи Китая в этот период. Нынешние вызовы Китаю исходят не только от необходимости сменить экономическую модель, но и реакции власти на эту необходимость. В условиях неопределенности новых ориентиров реформ, отсутствии очевидных конкурентных преимуществ, усилении внешних вызовов и глубоких изменений в китайском обществе Китай вновь оказался на пороге серьезных вызовов, ответ на которые позволит оценить эффективность проведенных преобразований не только с социально-экономической, но и с исторической точки зрения.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России e-mail:vinogradov-a.v@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: политическая система КНР, институциональный авторитаризм, коррупция, Си Цзиньпин, китайская модель общественного развития</p>	

Став ведущей экономической державой, Китай превратился в критически важный фактор мирового развития, оказывая на него непосредственное, постоянное и мощное воздействие. С самого начала китайских реформ это влияние было преимущественно позитивным, а на определенном этапе экономический рост Китая превратился в главный двигатель мировой экономики. Одновременно Китай успешно боролся с негативным влиянием мировых и региональных финансово-экономических кризисов и внёс важный вклад в мировую стабильность. Существенное замедление темпов его экономического роста в последние годы означает неизбежную смену его роли и, как минимум, сокращает то позитивное влияние, какое он оказывал на мировую экономику на протяжении последних 30 лет. Из позитивного

фактора мирового развития он может превратиться в негативный, а период адаптации к его новому качеству будет периодом повышенных рисков нестабильности и для самого Китая и для мира. Вопрос заключается лишь в том, какие ответные действия могут потребоваться от китайского руководства и мирового сообщества, чтобы нейтрализовать негативное воздействие и последствия этого переходного периода и сократить период волатильности.

Социально-экономическая модель

Сформировавшаяся в КНР в последние два десятилетия XX в. успешная модель экономического роста опиралась на его главное конкурентное преимущество – дешёвую рабочую силу и благоприятную международ-

ную конъюнктуру. Для того чтобы воспользоваться этими возможностями, на рубеже 1980-х годов китайскому руководству потребовалось совершить крайне ответственный и смелый шаг – отказаться от идеологических принципов, положенных в фундамент китайской государственности основателями КНР. Провозгласив возможность отдельным гражданам и районам обогащаться первыми, Дэн Сяопин обеспечил существенное повышение темпов экономического развития, но, одновременно, нарушил основополагающие принципы государства и главную опору социальной стабильности – традиционные представления о социалистической справедливости. В качестве нового ориентира им была предложена концепция ускоренного экономического роста и повышения благосостояния населения. Неизбежными следствиями этого поворота стал раскол между социально-политической, идеологической и экономической платформами китайского государства, потеря общественным строем внутренней целостности, поддержание которой с этого момента стало требовать постоянных ситуационных усилий и положило начало глубокой эволюции китайского государства.

Второй поворотной точкой, открывшей Китаю путь к современности, стало провозглашение политики открытости внешнему миру. Выход на внешний рынок позволил объединить дешевую рабочую силу внутри страны и природные ресурсы, капиталы и технологии внешнего мира, что, в конечном счете, обеспечило высокие темпы экономического развития и рождение китайского экономического чуда.

На протяжении двух десятилетий с 1992 года все свои проблемы – экономические, социальные и даже социально-политические, Китай решал за счет высоких темпов экономического развития, обеспечивавших, хотя и с разной скоростью, повышение уровня жизни всему населению. За эти годы в значительной степени были утрачены навыки использования других инструментов государственного управления, политические функции руководства ослабли, а идейно-политические средства управления общественной жизнью постепенно превратились

в ритуальную декорацию роста. В обществе получили распространение новые ценности, свойственные рыночной экономике, произошла переориентация и самого руководства с идейно-политических методов управления на экономические. Из государства, где политика руководит экономикой, на протяжении всего периода реформ, особенно после 1992 года, Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Роль бизнеса в государстве значительно выросла. Как только целью развития были признаны не социальная справедливость и равенство, а экономический рост и национальное возрождение, исчезли основания для социально-политической дискриминации предпринимательского класса. Началось активное проникновение в бизнес партийно-государственной элиты, в т.ч. членов семей высшего руководства. В результате возникали стабильные формы сочетания власти и модернизированной экономики, прежде всего, за счет семейной унии власти и бизнеса. Однако общество оказывалось за пределами этого альянса. Эти явления стали причиной роста социальной напряженности и могли реально угрожать власти компартии, так же как в 1940-е годы они стали одной из главных причин политического и исторического поражения ГМД на континенте.

Но и связываемый с именем Бо Силая альтернативный вариант экономического и политического развития, в соответствии с которым следовало возродить идейно-политические средства социального регулирования, свойственные начальному периоду КНР, усилить принципы социальной справедливости и контроль за деятельностью бизнеса, мог привести к снижению деловой активности, экономическому кризису и длительной социально-политической нестабильности. Но, главное, реставрация распределительной модели угрожала экономическому росту в момент, когда сложились благоприятные предпосылки для решения многих задач социально-экономического развития и достижения главной общенациональной цели – возрождения Китая.

Оба варианта точно обозначили главную проблему 2000-х годов, предложив свои версии как вернуть целостность обще-

ственному строю за счет синхронизации политического и экономического развития, но не получили поддержки в партии. Китайское руководство в 2000-е годы отдало предпочтение эволюционному пути, положившись на созданный за годы реформ политический механизм, обеспечивавший поддержание стабильности в условиях быстрого экономического роста. Между тем ситуация в стране радикальным образом изменилась.

На начальном этапе в 1980-е годы сглаживать асинхронность политики и экономики и обеспечивать стабильность и динамизм новой общественной системы, сочетающей власть КПК и рынок, удавалось в «ручном» режиме, за счет высокого авторитета Дэн Сяопина и других руководителей, затем в 1990-е годы – за счет высоких темпов роста. Сейчас перед Китаем стоит задача сохранить динамизм экономического развития и стабильность социально-политической ситуации, но уже в условиях снижения темпов и необходимости для Си Цзиньпина утвердиться в качестве общепризнанного национального лидера.

Ориентированная на экспорт экономическая модель, исчерпав запасы дешевого ручного труда, приближалась к естественному пределу своих возможностей, вслед за этим пропало главное преимущество Китая на внешней арене. Однако, несмотря на очевидные изъяны, использование этой модели приносило ощутимые экономические выгоды. Именно в эти годы, за 10 лет (2002–2012 гг.) КНР сумела перейти с шестого на второе место по объему ВВП и решить главную национальную задачу – восстановить статус Китая как великой мировой державы.

В отличие от подавляющего большинства стран, начавшееся с 2010 г. снижение темпов роста для Китая означало не только относительное ухудшение экономических показателей. Оно показало, что действовавшая модель больше не справляется с возложенными на нее функциями. Перед Китаем встал стратегический выбор: либо смириться и приспособиться к «новой нормальности», чтобы без очевидных преимуществ конкурировать с другими странами мира, постепенно приводя темпы роста в соот-

ветствие с мировыми и подстраивая под них свою социально-экономическую политику. Либо попытаться найти новые конкурентные преимущества и новую экономическую модель, которая не была бы в такой степени подвержена влиянию внешних факторов, и на ее основе продолжить поиск новой модели общественного развития. Смена модели развития, таким образом, не выглядела неизбежной. Но и ее сохранение также представлялось невозможным – снижение темпов вело к обострению социальных, религиозных и национальных проблем, росту социально-политической нестабильности и т.д., а для КПК это означало отказ от руководящей и направляющей роли в общественном развитии, отход от ее авангардного характера.

Вместе с тем она уже фактически произошла в том смысле, что старая модель общественного развития уходит в прошлое, но не как действующий механизм хозяйствования, который еще длительное время будет сохраняться, а как модель общественного развития, основанная на высоких темпах роста и решения за счет этого абсолютного большинства социально-экономических и социально-политических задач.

В практическом плане для предыдущего, «четвертого» поколения китайского руководства вопрос заключался в следующем: начать структурную перестройку и сознательно пойти на существенное снижение темпов или продолжить политику поддержания высоких темпов, решая тем самым главные стратегические задачи – повышения уровня экономического развития, уровня жизни населения и совокупной государственной мощи. Необходимость борьбы с кризисом и неготовность населения идти на жертвы подталкивали руководство страны отдать предпочтение политике поддержания темпов.

Однако сделав выбор в пользу сохранения темпов и действовавшей модели, оно способствовало углублению существовавших проблем и противоречий, делало их ликвидацию более сложной и затратной. Под влиянием конъюнктурных соображений время было упущено, и Си Цзиньпину в итоге досталась задача не менее сложная, чем Дэн

Сяопину на рубеже 1980-х – сменить модель развития, но в абсолютно других условиях – отсутствия конкурентных преимуществ, ухудшения мировой экономической конъюнктуры, снижения темпов и, как следствие, обострения социальных проблем и внутренних противоречий. Произошедшая в 2012 г. смена руководства, таким образом, отражала назревшую потребность в смене модели развития, но, совпав с этой задачей во времени, многократно усилила риски нестабильности.

Курс Си Цзиньпина

Серьезно усложняющим принятие окончательного решения фактором является неопределенность параметров и целевых ориентиров новой модели в отличие от начала 1980-х, когда существовало общее понимание приоритетности высоких темпов. Сегодня ясно лишь то, от чего в старой модели необходимо и неизбежно придется отказаться, но как на практике создать новую эффективную, основанную, по многочисленным экспертным оценкам, на внутреннем потреблении, не ясно. Одним из главных препятствий по практическому решению этой задачи является отсутствие готовой перспективной модели внутреннего потребления, поскольку существующая сегодня в развитых странах модель не подходит Китаю ни по энергетическим, ни по продовольственным, ни по экологическим параметрам. Китаю предстоит вновь определить цели своего развития, на этот раз уже не только количественные, но и качественные, и найти для этого необходимые ресурсы, не только материальные.

От того, как будет решаться эта задача, зависит, будет ли новая модель основой новой долгосрочной стратегии развития или будет переходной, подчиненной задачам преодоления кризиса, ориентированной на поддержание экономической стабильности и удержание под контролем социально-политической ситуации. Таким образом, первым фактором, затрудняющим деятельность нового руководства, является отсутствие ясной программы действий и неопределенность идеологии реформ, жизненно важной для КПК.

Идеологической платформой Си Цзиньпина в условиях расколота по уровню доходов и благосостояния населения и по уровню развития регионов могла стать только общенациональная, консолидирующая идея, которая в отличие от борьбы за восстановление социальной справедливости или фактической канонизации неравенства объединяла бы, а не раскалывала общество. Так возникла и получила официальный статус «китайская мечта» – идея великого возрождения китайской нации, продолжившая вслед за идеей Ху Цзиньтао о гармоничном обществе поиски китайским руководством новой, неклассовой идеологии. Эта декларация Си Цзиньпина о великом возрождении тем не менее также требовала конкретных политических решений, поскольку прочность общенационального консенсуса в условиях бурных социально-экономических трансформаций напрямую зависит от остроты социальных конфликтов, важнейшим из которых общество считает отсутствие социальной справедливости и ее главную причину – коррупцию.

Другим усложняющим деятельность Си фактором является то, что даже успешное по историческим меркам решение стоящих перед Китаем социально-политических и экономических задач будет связано с неизбежным снижением темпов экономического развития и роста уровня жизни и не принесет ему быстрого признания в партии и популярности в обществе. Си Цзиньпин будет первым за 25 лет китайским руководителем, успехи которого в силу неблагоприятной конъюнктуры будут оцениваться не чистым позитивом, а борьбой с негативом, сложной для восприятия современниками. Политические плоды успешно проведенной реформы достанутся не ему, а следующим поколениям руководства, в то время как ответственность за ее провал будет исключительно персональной. Вне зависимости от окончательных итогов его правление станет периодом борьбы и испытаний, а смена модели развития займет не одно десятилетие и превзойдет отпущенные ему временные рамки.

Помимо сложных социально-экономических проблем, которые стоят перед Китаем, сильное психологическое давление на

Си Цзиньпин оказывает приближающееся в 2021 г. столетие КПК, которое предполагает подведение итогов деятельности партии за весь исторический период и повышает персональную ответственность действующего партийного лидера. Решение всех этих задач потребовало от него внутренней мобилизации и, как следствие, концентрации власти.

Принимая в расчет перечисленные обстоятельства, Си был вынужден определить для себя основные направления деятельности по повышению авторитета и практического подтверждения своей легитимности не в успешной экономической деятельности, а, прежде всего, в политической. В этих условиях эпицентр общественно-политической жизни в Китае впервые с судьбоносного 1989 г. смещается из экономики в сферу политики, а главными вновь становятся политические решения и демонстрация политической воли.

В отличие от Дэн Сяопина, уже обладавшего к началу реформ высоким авторитетом в партии и обществе, Си Цзиньпин начал укрепление личных позиций с улучшения своего облика в публичном пространстве. Для этого впервые для китайских руководителей такого ранга им была использована семья, которая дополнила его образ политического деятеля положительными личными характеристиками. Си Цзиньпин в общенациональном масштабе отметил 100-летний юбилей своего отца Си Чжунсюня, бывшего вице-премьером Госсовета КНР в конце 1950-х и в начале 1980-х. Помимо авторитета отца он активно использовал популярность жены, народной артистки КНР Пэй Лиюань, на протяжении длительного времени гораздо более известной, чем сам Си Цзиньпин. У Китая впервые появилась полноценная первая леди, ставшая неотъемлемой частью имиджа нового главы государства.

Для повышения авторитета у населения он организовал прямой диалог с народом, положив в 2013 г. начало кампании отстаивания «линии масс». В авторитарных режимах обращение к народу – это не только способ повышения личного авторитета и легитимности, но и способ укрепления своих позиций за пределами партии, необходимых для проведения реформ и преодоления

сопротивления партийно-государственного аппарата. В 1980-е годы приданием публичного характера авторитарной власти М. Горбачев в СССР и Чжао Цзыян в КНР пытались заручиться поддержкой народа для проведения непопулярных у партноменклатуры решений.

Все усилия нового главы государства по созданию позитивного облика могли принести искомый результат только при эффективном контроле за СМИ и интернет пространством. Введение правил обязательной регистрации в блогосфере, кампании с «фальшивыми журналистами и новостями», «незаконными СМИ», начавшиеся с конца 2011 г., были дополнены новыми решениями. Си Цзиньпин создал и возглавил Руководящую группу по интернет и кибербезопасности и все более заметное внимание уделяет работе со СМИ.

Меры по укреплению авторитета Си сопровождались массовым изданием его трудов и мощной пропагандистской кампанией, близкой по масштабам к формированию культа личности или, во всяком случае, намного превосходящей аналогичные кампании всех других китайских лидеров с начала реформ.

В немалой степени это объясняется тем, что сформировавшийся в Китае механизм политической преемственности с приходом Си Цзиньпина также столкнулся с непредвиденными трудностями. Раньше основная проблема при передаче власти заключалась в том, что лидер, уходя из жизни, не оставлял после себя преемника, что вело к нарушению социально-политической стабильности. Теперь он оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит из политического процесса. После 18 съезда компартия впервые столкнулась с ситуацией, когда в руководстве страны продолжили активно функционировать два бывших генеральных секретаря – Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, сохраняющие свой авторитет и влияние, и действующий генсек, у которого лишь формально были высокие посты, не тождественные в авторитарном государстве политической власти.

В условиях отсутствия крупных вызовов государству с влиянием предшественников на проведение реформ можно было

мириться, но необходимость принятия ответственных радикальных решений заставила Си приступить к ограничению их влияния, а для этого начать демонтаж важнейших элементов институализированного авторитаризма, созданного за годы реформ.

Уголовные дела против бывшего члена Постоянного комитета (ПК) ПБ Чжоу Юнкана и заместителя председателя Центрального Военного совета (ЦВС), члена ПБ Сюй Цайхоу, входивших в высшее партийное и военное руководство еще 3 года назад на последнем съезде партии, дали ясный сигнал силовикам, региональным и отраслевым элитам об отсутствии у них иммунитета, а также, и это главное, стали предупреждением предшественникам против попыток оспаривать или противодействовать текущим изменениям.

Серьезным потенциалом ограничения неформальных отношений обладает усиление правового характера государства, внимание к которому привлекается каждый раз, когда нужно избавиться от инерции традиционной культуры и сопротивления реформам со стороны бюрократии. Нынешние призывы к «всеобъемлющему верховенству закона», «управлению государством в соответствии с законом», в действительности, ограничивают власть авторитета, которым до сих пор обладают лидеры КПК третьего и четвертого поколений, и усиливают позиции действующего руководства, выводя его из-под опеки предшественников.

Предпринятые в рамках сложившегося политического механизма меры по ограничению внешнего влияния на руководство оказались недостаточными. Си Цзиньпин попытался укрепить личную власть с помощью дополнительных полномочий, которые формально не нарушали бы существующее распределение функций в ПК ПБ. Во-первых, возглавив Руководящую группу по углублению реформы, он отодвинул от выработки стратегических решений в области экономики премьера Ли Кэцзяна. Во-вторых, создав и возглавив Совет Государственной (национальной) безопасности, он поставил под свой прямой контроль силовые и правоохранительные структуры и замкнул на себя

часть контрольных функций, которые были сосредоточены у Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД), тем самым автоматически понизив роль других членов ПК ПБ. Наконец, встав во главе Руководящей группы по интернету и кибербезопасности, он поставил под свой контроль информационные потоки, создав дополнительный рычаг воздействия на формирование общественного мнения.

Появление новых центральных органов существенно сократило объем распределения властных полномочий между высшими должностными лицами в партии и государстве. В результате существенно снизилась эффективность политических механизмов, обеспечивавших стабильность за счет разделения власти и полномочий внутри высшего руководства и ограничения действующего поколения руководителей со стороны предшественников. Столь заметное повышение роли первого лица неизбежно ведет к искажению принципов организационного строения и нарушению вертикальных и горизонтальных связей в высшем руководстве, подтачивая его единство и сплоченность. Когда все равны в своем неравенстве перед первым лицом, может возникнуть желание бросить ему вызов, конечно, только в том случае, если его авторитет в обществе может быть оспорен, а авторитет Си Цзиньпина пока еще может.

Поиск новой социально-экономической модели потребовал, таким образом, усиления роли авторитарного государства, ради этого пришлось вносить изменения в механизмы институализированного авторитаризма, которые складывались на протяжении последних 40 лет и обеспечивали общественно-политическую и экономическую стабильность. Мотивацию этих действий нового генерального секретаря следует признать обоснованной, продиктованной необходимостью выполнения задач, возникших перед страной. Но внесение даже отдельных изменений в отлаженную и многоуровневую систему неизбежно вызывает волну изменений в других ее частях и механизмах.

Главной целью созданной за годы реформ политической системы было обеспечение преемственности курса, а его центральной задачей – поддержание стабильности при передаче власти. Смена курса не рассматривалась в качестве ее приоритетных функций. Появление новых социально-экономических и внешнеполитических задач, которые могли повлиять на распределение властных полномочий в руководстве страны, также не учитывалось, их решение оставалось прерогативой членов высшего руководства на основе консенсуса. В результате сформировался динамичный, гибкий и, вместе с тем, стабильный механизм, уравновешенный внутренним разделением полномочий, предназначенный, однако, только для поддержания простого, линейного развития. Когда возникла задача осуществить смену курса, выяснилось, что он недостаточно мобилен и централизован, это и привело к концентрации власти у первого лица, необходимой для принятия масштабных и ответственных решений. Но даже этим изменения уже не могли закончиться.

Китайское общество

Формально, отсутствие новых политических субъектов позволяло по-прежнему ограничивать политические преобразования высшим эшелонам власти. Однако реформы вызвали глубокие изменения в китайском обществе, которое быстро теряет статус традиционного. И это потребовало установления новых взаимоотношений между властью и обществом, соответствующих изменившейся природе последнего. Во-первых, политика «одна семья – один ребенок», изначально направленная на повышение уровня жизни, разрушительно повлияла на нормы конфуцианского социального порядка, в основе которого лежит почитание старших и традиций, и требует другого, ориентированного на изменения, инновации и молодежь.

Во-вторых, в результате индустриализации, массового оттока крестьян в город и роста численности городского населения разрушаются традиционное сознание и социальные связи. Быстро растет средний класс, который хотя и не имеет артикулиро-

ванной политической позиции, все же обладает высоким уровнем образования, знает иностранные языки, выезжает за границу и, в целом, занимает активную жизненную позицию. Легитимизация инициативы и инноваций в ходе реформ разрушает представления о ценности преемственности и неизменности авторитета, которые были главной характерной чертой китайской цивилизации.

В-третьих, монетизация власти в условиях открытости позволяет вывозить капиталы и привилегии (например, до самого последнего времени рождение второго ребенка), что подрывает нравственный авторитет партии и бросает вызов ее легитимности. В новой системе координат государство утрачивает сакральный характер и обусловленную им общественную поддержку и должно искать новую, на новых принципах, вводя в политический процесс меняющееся общество и ориентируясь на его новые ценности.

Разрывы, которые длительное время были частью поступательного движения и роста благосостояния, сейчас превращаются в проблемы практической политики – обеспечения социальной справедливости и преодоления разрывов в уровнях доходов, образовавшихся в ходе быстрого, но неравномерного развития. Центральной из них на государственном уровне, по общему мнению, стала коррупция.

Свободное предпринимательство при авторитарном режиме неизбежно имеет коррупционную составляющую, в которой проявляется подчиненное отношение бизнеса к власти любого уровня и покровительственное отношение власти к бизнесу. У коррупции две функции: экономическая – негативная, препятствующая свободной конкуренции, и социокультурная – позитивная, стабилизирующая отношения власти и бизнеса.

Разрешив на начальном этапе реформ чиновникам участвовать в экономической жизни, государство в максимальной степени использовало их активность для создания рыночной системы. Целью борьбы с коррупцией на том этапе являлось не ее искоренение, а удержание в определенных рамках,

чтобы не позволить появиться новым политическим субъектам в самом бюрократическом классе, и чтобы общество, недовольное нарушением официально декларируемых принципов социальной справедливости, не выступало против власти под лозунгом борьбы с коррупцией. Этим двойственным отношением длительное время было обусловлено отсутствие крупных успехов в антикоррупционной борьбе. До Си Цзиньпина она была инструментом политической борьбы, разрушения родственных, клановых и земляческих связей и способом укрепления личных позиций за счет контрольных и репрессивных функций, поэтому всегда останавливалась, когда ее политическое цели были достигнуты и в правящем классе наступало единство. До Си Цзиньпина более 80% чиновников за коррупционные преступления отделялись предупреждением и только 3% подвергались уголовному преследованию. В целом, это был высокодоходный и мало рискованный бизнес. Сейчас число привлеченных к ответственности увеличилось на порядок.

По мере того, как обострялись проблемы социальной справедливости, борьба с коррупцией начала перемещаться из сферы внутриэлитных отношений в сферу отношений власти и общества. Мировой кризис с неожиданной стороны показал, что государство может быть слабым не только с отсталой экономикой, что было причиной начала реформ в 1978 году, но и с искаженными принципами социальной справедливости. Актуальной стала задача оздоровить государство, поддержать авторитет власти в глазах населения и для этого лишить государственных чиновников и предпринимателей незаслуженных льгот и привилегий.

К тому же в условиях уже состоявшегося рынка коррупция все больше препятствует честной конкуренции и повышению эффективности экономики, тянет общество назад, в переходный период, поскольку может комфортно существовать только как посредник между двумя экономическими укладами – традиционным и современным. Она выполнила свою историческую роль и из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, превратилась в фактор

дестабилизирующий отношения власти и общества. В этой ситуации решения, которые были приняты 30 и более лет назад, потребовали ревизии. Возникла задача найти новую модель отношений между модернизированной властью и модернизирующимся обществом. Это стало одной из главных причин, почему при Си Цзиньпине борьба с коррупцией не остановилась как прежде, решив некоторые текущие политические задачи, а из формы внутриэлитной борьбы превратилась в борьбу с порочными общественными отношениями.

Начавшаяся в 2012 г. антикоррупционная кампания с массовым возбуждением уголовных дел против высокопоставленных партийно-государственных чиновников за 4 года привела к волне кадровых перестановок, сравнимой только с возвращением в 1978–1979 гг. в руководство страны ветеранов, пострадавших в «культурную революцию». Частично новые массовые назначения способствуют укреплению позиций Си, преодолению инерции и сопротивления бюрократического аппарата, но в долгосрочном плане создают разрыв между поколениями и разрушают механизмы преемственности власти, подвергая риску основы авторитарной системы.

Политические вызовы системе

Чем на фундаментальном уровне опасен авторитаризм в абсолютной версии, к которой под давлением обстоятельств движется Си Цзиньпин?

Первое. Сосредоточив в ущерб коллегиальности беспрецедентные полномочия по проведению реформы, Си Цзиньпин тем самым многократно увеличил риски принятия необоснованных решений, характерные для всех автократических режимов, неподконтрольных ни органам власти, ни обществу.

Для надлежащего выполнения возросших обязанностей, он неизбежно должен будет все больше опираться на аппарат. Перераспределение полномочий внутри партийного руководства постепенно будет уступать место надделению властью чиновников и функционеров, не обладающих необходимой мерой политической ответственности и

авторитетом. Реальная власть в государстве может сместиться к всесильному в обществе и бесправному по отношению к вождю аппарату и породить гигантские деформации в соблюдении принципов социальной справедливости и морали, что способно ухудшить нравственный климат в обществе не меньше, чем легализация семейной унии власти и собственности, с которой борется нынешнее руководство. Одним из очевидных последствий концентрации власти может стать преобладание в окружении Си слабых, несамостоятельных фигур, что создаст благоприятный фон для сохранения им полномочий сверх установленного законами и Уставом КПК срока. Отдаленным следствием этого станет появление в качестве возможных преемников слабых фигур, несоответствующих требованиям авторитарной системы (как после смерти Мао и Сталина), которое вместе с разрушением системы преемственности может привести к серьезному ослаблению власти.

В этой связи настораживает появившаяся в ближайшем окружении лидера партии жена. Как и жена Мао Цзэдуна Цзян Цин и жена Бо Силая Гу Кайлай на определенном этапе она может не удовлетвориться церемониальной ролью первой леди. И если для того, чтобы поставить себе на службу авторитет отца, достаточно было отметить его 100-летний юбилей, то жена для выполнения своей функции все время должна находиться рядом, превращаясь не только в невольного свидетеля, но и участника, обретая право решающего голоса.

Второе. Концентрация полномочий в одних руках не только ликвидирует разделение властей в руководстве партии, но и многократно повышает роль контрольных функций. В условиях отсутствия правовой культуры рост злоупотреблений контрольных и репрессивных органов неизбежен, что еще больше усилит роль аппарата и одновременно понизит роль партийных органов, создаст новые противоречия в правящем классе. Уже сейчас вторым человеком в партийно-государственной иерархии в Китае считается первый секретарь ЦКПД Ван Цишань.

Третье. Следствием этого станет усиление сословно-корпоративной замкнутости и

клановости высшего руководства. В Китае уже говорят о формировании новой, шэньсийской группировки в составе Си Цзиньпина, Ван Цишаня и Юй Чжэншэна. А это значит, что кланы «принцев», «комсомольцев», «шанхайцев» отодвинуты от власти и могут стать организационным ядром внутрипартийной оппозиции.

Четвертое. Идеологическая легитимизация преемников до самого последнего времени не противоречила идеологическим принципам предшественников. Главным приоритетом для Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао оставалось быстрое экономическое развитие, а возникающие в результате неравномерность и неравенство нейтрализовывались высокими темпами роста. Сейчас ситуация меняется. Перед Си стоит задача не просто провести корректировку политики, а поменять идеологические принципы реформ и, одновременно, сохранить преемственность, как до него это сделал Дэн Сяопин. Для социально неоднородного общества, каким стал Китай в результате реформ, такой объединяющей идеей может быть только общенациональная идея возрождения, фактически уже состоявшегося, но еще не определившего направление дальнейшей эволюции. Но в идее возрождения может быть заложен разный социально-исторический смысл. Утверждение в общественном мнении идеи Великого возрождения может не привести к серьезным последствиям внутри страны, но обладает явным конфликтным потенциалом на внешней арене. Эволюции КПК в сторону националистической и великодержавной идеологии будут способствовать происходящие изменения в партийном и государственном аппарате.

Освободившиеся в результате антикоррупционной чистки места часто занимают представители более молодого поколения, немалая часть которых училась на Западе и, обладая высоким уровнем образования, профессиональными и деловыми качествами, не всегда является убежденными приверженцами коммунистической идеологии, и без того серьезно деформированной в Китае. Поколение технократов во главе с Цзян Цзэмином в интересах высоких темпов по-

шло на превращение классовой партии в общенародную, допустив в нее предпринимателей и представителей крупного бизнеса. Поколение западнообразованных экономистов и юристов (Си Цзиньпин и Ли Кэцян имеют докторские степени по праву) может пойти еще дальше и подвергнуть глубокой ревизии идеологическую доктрину КПК. Испугавшись недвусмысленной классовой окраски проектов политического реформирования появившегося накануне 18 съезда, китайское руководство сейчас может столкнуться с другим, не менее серьезным идеологическим вызовом.

Формирующийся в результате кадровых назначений и необеспеченный новым идеологическим единством бюрократический аппарат сам подвержен внутренним противоречиям и может оказаться не в состоянии дать согласованный ответ на вызовы времени.

Пятое. Энергичные действия Си Цзиньпина, разрушающие клановые и земляческие связи, коррупционные цепочки парткомов, правоохранительных органов и бизнеса, встречают мощное сопротивление в центре и на местах.

Разрешив отдельным регионам обогащаться раньше других, Пекин, с одной стороны, переложил на них решение многих острых социально-экономических проблем, но, одновременно, повысил их самостоятельность. Результатом этого стала реализация регионами своих конкурентных преимуществ внутри страны (близость к Гонконгу, морю, привлекательность для иностранных инвесторов и т.д.), быстрый экономический рост и, как следствие, существенный рост экономического потенциала. В регионах возникли различные, отвечающие конкретным условиям социально-экономические модели, которым соответствовали разные идеологии развития: «гуандунская», «чунцинская» и др.

В условиях успешного экономического развития возникавшие противоречия регионов с центром и межрегиональная конкуренция считались трудностями роста и не воспринимались в качестве угрозы для центральной власти, но в кризис такая самостоятельность, помноженная на экономический

потенциал провинций и интересы региональных элит, может привести к обострению традиционной китайской болезни – регионализма. Регулярная ротация высших руководителей провинций препятствует формированию региональных политических ядер лишь частично. Региональные элиты, прежде всего экономические, гораздо менее мобильны. Именно с этим связано обилие коррупционных дел против провинциальных руководителей второго уровня (зампредов и членов провинциальных ПК СНП, НПКСК, народных правительств и парткомов).

Недооценивать негативные последствия разрушения традиционных социальных структур и отношений нельзя. Разрушая в годы «культурной революции» препятствия на пути преобразования китайского общества в современное, Мао Цзэдун одновременно уничтожил фундаментальные основания его единства. Попытку привести в соответствие новые экономические реалии и методы государственного управления в 1990-х годах предпринял и Цзян Цзэминь, но он подчеркивал, что наряду с управлением по закону, нужно править добродетелью, сохраняя тем самым пространство для традиционных отношений. Определить допустимый порог разрушения социальной ткани для Си Цзиньпина будет очень сложно, поскольку ресурса прочности в виде благоприятной экономической и социально-политической ситуации, которая давала бы ему возможность для исправления ошибок, у него нет.

Станут ли его шаги эффективным ответом на возникшие вызовы или сами, в случае неудачи, превратятся в угрозы, потому что существовавший механизм поддержания политической стабильности будет демонтирован, а новый не будет эффективен? Перед системой возник, может быть, самый главный вызов – проверка эффективности механизма отбора высших должностных лиц. Способна ли современная китайская система отбирать таких же харизматичных лидеров как Дэн Сяопин, продолжит ли Си эту традицию или его ждет судьба М. Горбачева?

Несмотря на растущие риски, положение Си Цзиньпина не выглядит безнадежным, у него есть некоторые надежные

ресурсы усиления, на которые он может рассчитывать.

В результате почти 40-летней интеграции во внешний мир, Китай исчерпал свои внутренние конкурентные преимущества, но приобрел их на международной арене. В первую очередь, это большие золотовалютные резервы, значительный промышленный потенциал и широкие торгово-экономические связи, которые он может использовать.

«Великое возрождение» как стратегическая цель Китая предполагает не только выход в первые ряды государств мира по уровню экономического развития, но и восстановление роли регионального лидера и мирового статуса. Совместить достижение этих целей можно только в многополярном мире, идею которого Китая энергично отстаивает. Активность КНР на внешней арене все еще, хотя и все менее последовательно, сдерживается установкой Дэн Сяопина «не высовываться», отсутствием богатого опыта международной деятельности и колебаниями относительно необходимости значительных непроизводительных расходов на формирование благоприятного образа на международной арене, но уже неизбежна.

На внешней арене перед Китаем стоят две задачи. Первая – определить свое место в глобальном мире. Ее решение на практике требует особых отношений с США, которые несмотря на все усилия, Китаю установить не удастся. США ни с кем не намерены делить свое лидерство, на котором построена американская общественно-экономическая система. Равенство будет означать утрату лидерства и крах американской модели. Стратегическое сдерживание – неизменный курс США в отношении Китая, рост которого обостряет противоречия между двумя государствами, неуклонно приближая их к критической точке. Напряжение в двусторонних отношениях усиливается в результате увеличения американского военного присутствия в АТР и умелого использования США опасений восточноазиатских соседей относительно экономического и военно-политического возвышения КНР.

Китай, длительное время избегавший обострения, во втором десятилетии XXI в. принял вызов. Перед НОАК поставлена за-

дача не только защиты суверенитета и территориальной целостности, но и обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и киберпространстве. КНР твердо придерживается своей бескомпромиссной позиции по территориальным спорам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, увеличивает военные расходы темпами, превышающими темпы роста ВВП в среднем почти в полтора раза, его реальные военные расходы на 40-50% превышают официальные и составляют, по оценкам, от 1/3 до 1/2 американских.

Приближение острой фазы пока сдерживают тесные экономические связи двух стран, технологическая зависимость Китая от Запада и отсутствие у него военных союзников в регионе. США, более свободные в выборе средств, одновременно с наращиванием военного присутствия пытаются преодолеть свою зависимость от торгово-экономических отношений с Китаем созданием зон свободной торговли с ЕС и в АТР (в частности, Транстихоокеанского партнерства) без китайского участия и, соответственно, сменой торговых потоков. Но и на это Китай отвечает симметрично, решая свою вторую внешнеполитическую задачу.

Вторая задача – реализация «китайской мечты» о возрождении на международной арене. В силу культурных особенностей ни один сценарий развития не предусматривает превращение Китая в мирового гегемона. Стратегия успеха для Китая предполагает консолидацию на национальном и региональном уровне, а не выход на глобальный. Поэтому его ближайшей задачей является воссоздание китайской ойкумены, которая бы охватывала на начальном этапе Восточную Азию, а затем, возможно, и большую часть Евразии и Африки. В китайском экспертном сообществе Китай уже называют «великой евразийской державой».

В рамках реализации этого курса Китай приступил к созданию евразийского регионального порядка, положив в основу инфраструктурный экономический проект «Один пояс – один путь» (Экономический пояс Шелкового пути, охватывающий с ответвлениями Северо-Восточную и Центральную Азию, Ближний и Средний Вос-

ток и Африку, и Морской Шелковый путь XXI в., пролегающий вдоль Юго-Восточной и Южной Азии, Восточной Африки и Ближнего Востока). Для реализации этого проекта были созданы, базирующиеся на значительных китайских золотовалютных резервах, финансовые институты АБИИ, Фонд Шелкового пути, Банк БРИКС и т.д., которые дают Китаю возможность использовать свои конкурентные преимущества на международной арене. Экономическая интеграция этого регионального пространства во главе с Китаем вместе с ростом внутреннего потребления может существенно сократить его зависимость от американского рынка.

Сценарии развития

Для руководства страны важнейшим итогом предпринимаемых в КНР мер является сохранение социально-политической стабильности, власти КПК и современного китайского государства. В этом отношении поиск и создание новой модели экономического развития является важной, но все же подчиненной целью. Именно этим продиктовано повышенное внимание Си Цзиньпина на политическом вопросе и вопросе государственного управления. Концентрация власти является не только инструментальным фактором, но и стратегическим, обеспечивающим внутреннюю стабильность. Но одной личной власти без успехов в экономике или при значительном ухудшении социально-экономической ситуации будет недостаточно, и тогда возможны крупные перестановки в действующем руководстве или ограничение полномочий первого лица. Новейшая история КПК знает такие примеры, так было с Председателем ЦК Хуа Гофэнгом, генеральными секретарями ЦК Ху Яобаном и Чжао Цзыяном в 1980-е годы, а принципиальную готовность политического класса к такому радикальному сценарию показали дела Бо Силая, Чжоу Юнкана и др.

Однако поражение нынешнего руководства серьезно затормозит предпринимаемые им усилия по смене действующей социально-экономической модели и будет означать вхождение Китая в длительную

фазу политической нестабильности, следствием которой станет обострение внутренних противоречий, национальных и религиозных проблем, усиление регионализма, прежде всего, в Синьцзяне, других национальных образованиях, а также и восточных провинциях, далеко ушедших вперед в экономическом развитии и не желающих делиться своим благосостоянием, особенно в условиях снижения темпов роста.

Очередная смена политического руководства Китая в 2022 г. до того, как будут созданы контуры новой экономической модели, также усилит факторы нестабильности. Поэтому все более вероятным, по мнению западных наблюдателей, представляется сценарий продления полномочий Си Цзиньпина в целях завершения контуров новой экономической модели. Прецеденты в новейшей китайской истории такого варианта событий есть. Дэн Сяопин, а затем и Цзян Цзэминь после передачи власти несколько лет сохраняли за собой пост Председателя ЦВС (а Ху Цзиньгао уже, вероятно, не один раз пожалел, что его передал). Однако это потребует ревизии основ существующей политической системы и переход Китая в новую фазу политического развития.

Одним из промежуточных показателей динамики политической ситуации станет 19 съезд КПК, который подведет итоги антикоррупционной чистки, подтвердит принципы обновления власти и, возможно, внесет ясность относительно дальнейшей судьбы Си Цзиньпина. В соответствии с действующими механизмами на съезде должен существенно обновиться состав ПК ПБ, из 7 членов которого 5 (включая Ван Цишаня) должны будут оставить свои посты по достижению предельного возраста, и быть избраны в состав ПК представители следующего 6-го поколения руководителей, которыми, скорее всего, станут самые молодые члены нынешнего ПБ Сунь Чжэнцай и Ху Чуньхуа.

За годы реформ Китай сделал поворот от классовой борьбы к экономическому развитию, теперь ему предстоит если не обратный переход, то, во всяком случае, начало движения от ценностей экономического развития к новой государственной идеологии, в

основе которой лежат ценности социальной справедливости и идеи возрождения Китая.

Трудности, связанные со сменой модели, для Китая больше, чем для многих других стран мира представляют серьезную угрозу государству. Совершив в XX в. в результате революционных преобразований переход на новый социально-исторический уровень, Китай до конца не овладел присущим этому уровню типом развития, а лишь в определенной степени сумел приспособить к нему свой традиционный цивилизационный архетип. На протяжении последних четырех десятков лет он использовал свои традиционные ресурсы для интеграции в современность (дешевую и большую по численности рабочую силу, конфуцианскую трудовую этику, организующую роль партии и мобилизующую роль государства и т.д.). Но Китай смог эффективно мобилизовать имеющиеся ресурсы только потому, что в начале реформ определил конечную цель – вписаться в современность, и выбрал направление движения – в сторону технически передового Запада. Мировой кризис, показав изъяны западного общества, воодушевил сторонников самобытного пути развития, но одновременно оставил Китай наедине с новыми вызовами, впервые в новейшей истории примерив на него, пока чисто теоретически, роль исторического лидера. И тогда выяснилось, что в условиях кризиса Китай не ведет поиск принципиально новых решений, а по инерции старается сгладить его негативное влияние, искусственно поддерживая темпы роста, доводя, в частности, накопление в отдельные годы до 50% ВВП и более, в результате фундаментальные проблемы не решаются, а ретушируются и загоняются вглубь.

Такая антикризисная политика дает основания полагать, что Китай пока научился преодолевать кризисы единовременно, но не смог эту способность интегрировать в свой тип развития. Оказавшись наедине с неизвестными вызовами, не имея перед собой образца для подражания, он испытывает серьезные трудности с поиском ответа на них. Поэтому при следующем аналогичном вызове, который, возможно, уже наступил, ему вновь предстоит затяжной период мучительных поисков.

Необходимость одновременной смены экономической модели, решения острых социальных проблем и региональных противоречий и поиска новой внешнеполитической стратегии подталкивает к глубокому и радикальному преобразованию общественного строя с неясными последствиями и перспективами. Несмотря на то, что эта трансформация может пройти мирно и растянуться на много лет, ее последствия могут быть разрушительными, как в СССР, или впечатляющими как в Китае в результате реформ Дэн Сяопина.

Главный вопрос предстоящего десятилетия: не утратил ли китайский управленческий класс после десятилетий успешных реформ способности принимать смелые решения, достаточно ли у него легитимности сделать стратегический выбор и в ближайшие 10–15 лет перейти к новой модели развития, сохранив преемственность в политической сфере? Сможет ли Си Цзиньпин не разрушить авторитарную систему, поддавшись влиянию экономических требований, а Китай еще раз удивить асинхронностью экономического и политического развития?

Литература:

Бородич В.Ф. Внутриполитическая борьба как фактор политики реформ в современном Китае // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – М.: ИДВ РАН Информационные материалы. Серия г. Выпуск 22, 2015. Часть 1. – С. 37-48.

Бородич В.Ф. Политические новации решений III Пленума ЦК КПК 18 созыва // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ (Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 12, 14 марта 2014 г.). – С. 31-43.

Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №1. – С. 89-96.

Виноградов А.В. Политическая модернизация: проблемы институализации в Китае и России // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2012. – №2. – С. 66-77.

Виноградов А.В. Политическая система КНР при Си Цзиньпине: новые вызовы и угрозы // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – М.: ИДВ РАН Информационные материалы. Серия г. Выпуск 22. Часть 1, 2015. – С. 5-16.

Гуаньюй синь синши ся дан ней чжэнчжи шэнхо дэ жогань чжуньцэ. (О некоторых нормах внутрипартийной политической жизни в новых условиях.) Принято 27 октября 2016 г. 6-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва.

Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838382.htm

Китай на новом этапе экономической реформы. Сб. статей / отв. ред. А.В. Островский. – М., Ленанд, 2015. – 302 С.

Королев А.Н. Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 2. – С. 90-107.

Королев А.Н. Социальная эффективность политических режимов – имеет ли демократия значение? // Россия и АТР. – 2016. – № 3 (93). – С. 82-106.

Михеев В., Луконин С., Чже С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 10. – С. 5-16.

Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. – М., 2016. – 589 С.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. – Пекин, 2014. – 630 С.

Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Ван Хуй. Шэньхуа гайгэ, шифан дунли, цуцзинь шэхуй гунпин чжэньи (Углублять реформы, высвободить движущие силы, способствовать равенству и справедливости) // «Жэньминь жибао», 11 марта 2014 года.

Чжунго гунчаньдан дан ней цзяньду тяоли. (Положение о внутрипартийном контроле КПК.) Принято 27 октября 2016 г. 6-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва. *Режим доступа:* http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838242.htm

Чжунгун чжунян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин. (Постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ.) (12 ноября 2014 г.). *Режим доступа:* http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm

China's Core Executive. Leadership Styles, Structures and Process under Xi Jinping / Ed. By S.Heilmann, M.Stepan // Merics Paper on China. Berlin, 2016, No. 1. 100 p.

References:

Borodich, V.F. Politicheskie novatsii reshenii III Plenuma TsK KPK 18 sozyva (Political Innovations of the III Plenum of CC of CPC) // 3-i Plenum TsK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategiiia reform (Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovani i prognozov Kitaia IDV RAN. Moscow, 12, 14 March 2014). Pp. 31-43.

Borodich, V.F. Vnutripoliticheskaia bor'ba kak faktor politiki reform v sovremennom Kitae (Political Struggle as a Factor of Reforms in Modern China) // Novye aspekty sotsial'no-politicheskogo razvitiia KNR. Moscow: IDV RAN Informatsionnye materialy. Seriiia G. No. 22, 2015. Part 1. Pp. 37-48.

China's Core Executive. Leadership Styles, Structures and Process under Xi Jinping / Ed. By S.Heilmann, M.Stepan // Merics Paper on China. Berlin, 2016, No. 1. 100 p.

Kitai na novom etape ekonomicheskoi reform (China at a New Stage of Economic Reforms). Sb. statei / Ed. by A.V. Ostrovskii. Moscow, Lenand, 2015. 302 p.

Korolev, A.N. Reagirovanie politicheskogo rezhima KNR na bazovye nuzhdy naseleniia (Response of the Political Regime in China to the Basic Needs of Population) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No. 2, pp. 90-107.

Korolev, A.N. Sotsial'naia effektivnost' politicheskikh rezhimov – imeet li demokratiia znachenie? (Social

Effectiveness of Political Regimes – Does Democracy Matter?) // *Rossia i ATR*, 2016, No. 3 (93), pp. 82-106.

Mikheev, V.; Lukonin, S.; Chzhe, S. Kitai: rezhim lichnoi vlasti i novaia piatiletka (China: Authoritarian Regime and New Five-Year Plan) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No. 10, pp. 5-16.

On Some Partisan Rules in Modern China / Approved by 6th Plenum of CC of CPC of 18th Convocation (In Chinese). Mode of access: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838382.htm

Rumiantsev, E.N. Vnutrennaia i vneshnaia politika Si Tszin'pina (Domestic and Foreign Policy of Xi Jinping). Moscow, 2016. 589 p.

Vinogradov, A.V. Politicheskaiia modernizatsiia: problemy instutualizatsii v Kitae i Rossii (Political Modernization: Problems of Institutionalization in China and Russia) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Seriiia 6. Filosofiiia. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia. SPb., 2012, No. 2, pp. 66-77.

Vinogradov, A.V. Politicheskaiia sistema KNR pri Si Tszin'pine: novye vyzovy i ugrozy (Political System of China under Xi Jinping: New Challenges and Threats) // *Novye aspekty sotsial'no-politicheskogo razvitiia KNR*. Moscow: IDV RAN Informatsionnye materialy. Seriiia G. No. 22. Part 1, 2015. –Pp. 5-16.

Vinogradov, A.V. Vlast', biznes i korruptsiia v Kitae (Authority, Business and Corruption in China) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2014, No. 1, pp. 89-96.

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii (On Governance). Beijing, 2014. 630 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145>

POLITICAL CHALLENGES FOR CHINA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Andrei V. Vinogradov

*The Peoples' Friendship University of Russia,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 2 June 2017</p>	<p>Abstract: The Chinese economic model, which paved the way to «Chinese economic miracle» is running out of its capabilities. The new generation of leadership led by Xi Jinping is facing an extremely complicated task that can be compared to the one Deng Xiaoping had solved at the turn of 1980's – to elaborate a new model of development. Measures adopted by the new General secretary of the CPC Central Committee in order to concentrate powers and to strengthen personal power are justified by the need to change political course. However, as a result of these steps, the system of institutional authoritarianism that for the past 40 years was being created and provided economic success to China has been significantly demolished. Current challenges for China originate not only from the necessity to change the economic model, but also from the reaction of the authorities to this need. Amidst uncertainty of new reference points for the reforms, lack of obvious competitive advantages, strengthening of external challenges and deep changes in Chinese society, China has again appeared on the verge of serious challenges, the answer to which will help evaluate the effectiveness of the reforms not only from socio-economic but also from a historical perspective.</p>
<p>About the author: Doctor of Political Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia; Principal Research Fellow, Center of Regional Projects and Comprehensive Chinese Studies, MGIMO University, Russian Ministry of Foreign Affairs</p> <p>e-mail: vinogradov-a.v@mail.ru</p>	
<p>Key words: political system of China, the institutional authoritarianism, corruption, Xi Jinping, the Chinese model of social development in the 21st century</p>	

Для цитирования: Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 131-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145

For citation: Vinogradov, Andrei V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitaiu v nachale 21 veka. (Political Challenges for China at the Beginning of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 131-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145